

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего
образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им Н.И. Лобачевского»

Факультет социальных наук

А.В. Голубинская

МЫСЛЕННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ В ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ

Хрестоматия

Рекомендовано методической комиссией факультета социальных наук для магистрантов
ФСН ННГУ, обучающихся по направлению подготовки 37.04.01. – Психология,
направленность ОП «Киберпсихология»

Нижний Новгород

2021

УДК 1.091

ББК 87.3

Г62

Мысленные эксперименты в философии и психологии познания / А.В. Голубинская.
– Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2019. – 53 с.

Рецензент:

Зав. кафедрой отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук
ННГУ им. Н.И. Лобачевского, д. соц. н., доц. Петрова Ирина Эдуардовна

Собранные в хрестоматии мысленные эксперименты связаны с разными аспектами познания: эксперименты с формами познания, эксперименты с анализом опыта третьего лица, эксперименты с самосознанием и субъективным опытом, эксперименты с объективностью восприятия. Цель данного издания – обеспечить обучающимся дисциплине «Философия и психология познания» доступ к оригинальному изложению ключевых философских мысленных экспериментов, затрагивающих разные проблемы познания, для подготовки к групповым практическим занятиям по теме «Фундаментальные вопросы познания».

Ответственный за выпуск:

председатель методической комиссии факультета социальных наук ННГУ, кандидат
биологических наук, доцент А.В.Орлов

УДК 15.01.09

ББК 88.1

Г62

© Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, 2021

Оглавление

Введение.....	4
Цель мысленных экспериментов в психологии познания	4
Как работать с мысленными экспериментами.....	5
Эксперименты с когнитивными процессами и опытом от третьего лица 7	
Кролик Куайна (Гавагай)	7
Китайская комната	10
Расширенное сознание.....	11
Эксперименты с формами познания	16
Проблема Молиньо	16
Решение Дж. Локка	16
Решение Лейбница	17
Решение Кондильяка	22
Решение Дидро	25
Недостающий оттенок голубого цвета	29
Комната Мэри.....	30
Робомэри. Решение Деннета.....	30
Эксперименты с самосознанием и субъективным опытом	33
«Жуки в коробке»	33
Каково быть летучей мышью?.....	34
Философский зомби.....	35
Эксперименты с объективностью восприятия.....	38
Пещера Платона	38
Демон Декарта.....	41
«Доктор О»	43
Машина по производству личного опыта	44
«Мозг в колбе»	47
Литература:	51

Введение

Хорошо известно, что мысленные эксперименты широко распространены в физике: о демоне Максвелла или коте Шрёдингера слышали даже очень далёкие от физики люди. Цель таких экспериментов состоит не только в упражнении воображения, но в том, чтобы проверить, что произошло бы в определенной ситуации, если бы теория, взятая за основу, была бы верной. В более общем плане мысленные эксперименты пытаются ответить на вопрос: «Что произойдет, если ...?».

Независимо от того, в какой научной отрасли мы используем мысленный эксперимент, он выполняет одну и ту же функцию, а именно – иллюстрирует примером некоторую абстрактную схему, то есть делает теорию правдоподобной. Как правило, для этого выполняются следующие шаги:

1. Введение в проблему.
2. Предложение контрфактического сценария.
3. Оценка сценария в отношении проблемы¹.

Цель мысленных экспериментов в психологии познания

Фактически, в ходе своих исследований философы всегда полагались на мысленные эксперименты для проверки правильности формулируемых ими теорий. Но как эти философские методы можно применить в психологии познания?

Если говорить о психологии в целом, то ответ очень прост: многие явления, с которыми приходится работать психологам, лежат за пределами опытного наблюдения. Здесь можно обратиться к примерам вопросов Д. Хофштадера и Д. Денета:

«Имеют ли сознание другие животные? Если да, то отличается ли их сознание от нашего? Может ли обладать сознанием компьютер или робот? Обладает ли ребенок сознанием до рождения или сразу после рождения? Что происходит с сознанием, когда мы видим сны? Может ли один и тот же человек обладать несколькими Я, несколькими эго? Ответы на эти вопросы будут зависеть от эмпирических открытий, касающихся особенностей поведения и психики проблемных кандидатов на сознание. И о каждой из наших эмпирических находок мы можем спросить — насколько она важна для общего ответа на вопрос о сознании, и почему? Эти вопросы не входят в

---

¹ Bertram G. Philosophische Gedankenexperimente—Ein Lese-und Studienbuch. Reclam, 2012. P. 18

область чистой эмпирики — скорее, это концептуальные вопросы, на которые, возможно, нам удастся ответить с помощью мысленных экспериментов»².

Э. Брук, автор «Введения в философию и психологию когнитивных наук»³, немного иначе отвечает на вопрос о пользе мысленного эксперимента для когнитивной психологии. Во-первых, в психологии познания нам также необходимо формировать умозрительные гипотезы, поскольку любая гипотеза имеет спекулятивный элемент. Во-вторых, деятельность по интерпретации проверенных гипотез составляет большую часть того, из чего состоит философский вклад в когнитивную науку. Одна из ролей философии всегда заключалась в том, чтобы показать, как «вещи в самом широком смысле слова держатся вместе в самом широком смысле этого слова». Результатом этой деятельности являются теории и модели, предлагаемые философами, аналогичные теориям и моделям, предлагаемым другими в когнитивной науке. Таким образом, вот зачем нужны мысленные эксперименты:

- выделять четкие примеры исследуемого явления;
- сообщать, что мы изначально воспринимаем нечто определённым образом, и насколько адекватно этот образ отражает окружающую нас действительность;
- генерировать, проверять или опровергать гипотезу.

Как работать с мысленными экспериментами

Собранные в хрестоматии мысленные эксперименты связаны с разными аспектами познания: эксперименты с формами познания, эксперименты с анализом опыта третьего лица, эксперименты с самосознанием и субъективным опытом, эксперименты с объективностью восприятия.

Студентам курса «Философия и психология восприятия» при подготовке к групповым практическим занятиям по теме «Фундаментальные вопросы познания» рекомендуется следовать следующей инструкции:

1. Кратко изложить мысленный эксперимент.
2. Описать, были ли попытки эмпирической проверки мысленного эксперимента, как они проводились и к чему они привели.
3. Проанализировать философско-психологическое содержание эксперимента. Предлагается отталкиваться от следующих вопросов:

---

² Хофштадтер Д., Деннетт Д. Глаз разума. Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2003. С. 7-8

³ Brook A. Introduction: Philosophy in and philosophy of cognitive science, Part II // Topics in cognitive science. 2009. Vol.1. №. 3. P. 547-547.

- a. Какая когнитивная проблема лежит в основе эксперимента? Чем должны отличаться философский и психологический подход к её решению?
  - b. Какое психологическое значение имеет эта проблема? Какими психологическими теориями можно его уточнить, объяснить или решить?
  - c. Какими эмпирическими данными можно «обновить» мысленный эксперимент? Какие новые исследования могут повлиять на поставленную в нём проблему? Какие аспекты могут быть изменены в обозримом будущем?
4. Предложить темы для дискуссии в группе.

Эксперименты с когнитивными процессами и опытом от третьего лица

Кролик Куайна (Гавагай)

У. Куйан «Слово и объект» (1959)

Цит. по: Куйан У.В.О. Слово и объект. Перевод с англ. М.: Логос, Праксис, 2000. 386 с.

Извлечение языка, который человек в данный момент использует, из его текущих наблюдаемых ответов является делом лингвиста, который, не пользуясь услугами переводчика, не может понять и перевести до сих пор бывший неизвестным язык. Все объективные данные, с которых ему приходится начинать, это те силы, что он видит воздействующими на нервные поверхности аборигена, и наблюдаемое поведение, звуковое или иное, этого аборигена. Такие данные проявляют «значения» аборигена только в отношении наиболее эмпирических или «связанных со стимулами многообразий». И все же лингвист более или менее справляется со «значениями» аборигена в некотором довольно нестрогом смысле; при этом его задача, как бы то ни было, состоит в переводе всех возможных предложений языка аборигена.

<...> Мимо быстро пробегает кролик, абориген говорит: Gavagai', и лингвист записывает предложение 'Rabbit' («Кролик») или 'Lo, a rabbit' («Смотри, кролик») в качестве пробного перевода, который требуется подвергнуть проверке в других ситуациях<...>. Предположим, что язык аборигенов включает в себя предложения S1, S2 и S3, которые реально переводимы как соответственно: «Животное», «Белое» и «Кролик». Стимульные ситуации всегда различаются, неважно, релевантно или нет; и именно потому, что эти предложения являются произвольными реакциями или ответами, даваемыми поодиночке, классы ситуаций, при которых туземец произвольно высказывает S1, S2 и S3, являются, конечно же, взаимоисключающими, несмотря на скрытые действительные значения слов. Как тогда лингвисту установить, что абориген захочет согласиться с предложением S1 во всех тех ситуациях, когда ему случалось произвольно высказывать предложение S3, и в некоторых, хотя и не во всех ситуациях, когда ему приходилось произвольно высказывать предложение S2? Только взяв исходные и вопросительно-уточняющие комбинации предложений

аборигена и стимульных ситуаций таким образом, чтобы сузить свои догадки до возможного удовлетворительного ответа.

Итак, лингвист спрашивает: «Гавагай?» («Gavagai?») в каждой из различных стимульных ситуаций и всякий раз записывает, соглашается ли абориген с его вопросом, высказывает ли он несогласие или же демонстрирует какую-то иную реакцию. Однако как ему узнать, согласен или несогласен абориген? Жесты не следует принимать за чистую монету; турки являются почти что полной противоположностью нам самим. Он должен вывести из своих наблюдений определенную догадку, а потом посмотреть, «работает» ли она. Предположим, что, спрашивая: «Гавагай?» - в моменты присутствия кроликов в поле зрения, лингвист сталкивался с ответами «Да» («Evet») и «Нет» («Yok») достаточно часто для того, чтобы предположить, что они соответствуют ответам «Yes» («Да») и 'No' («Нет»), но не имеет пока представления, что с чем соотносится. Затем он пытается провести эксперимент, подражая произвольным изъяснениям (pronouncements) самих аборигенов. Если таким образом он достаточно часто вызывает скорее ответ «Evet», чем «Yok», то склоняется к тому, чтобы считать «Evet» эквивалентом «Да». Он также пытается употреблять «Evet» и «Yok» для ответов на замечания аборигенов; то выражение, которое встречает более спокойную реакцию, становится более предпочтительным кандидатом для «Да». Как бы несовершенны ни были эти методы, они производят рабочую гипотезу. Если из ряда вон выходящие трудности сведут все его последующие усилия на нет, то лингвист может отбросить эту гипотезу и принять новую.

Теперь предположим, что лингвист установил, что считать знаками согласия и несогласия аборигенов. В таком случае он оказывается в состоянии собрать индуктивные данные для перевода предложения «Гавагай» предложением «Кролик». Общий закон, для которого он собирает отдельные случаи, заключается в следующем предположении: аборигены будут всякий раз соглашаться с «Гавагай?» при тех же стимуляциях, при которых они дали бы утвердительный ответ на вопрос «Кролик?»; то же самое имеет силу и в отношении несогласия.

<...>

Важно думать о том, что побуждает аборигена к согласию с вопросом «Гавагай?», как о стимуляциях, а не как о кроликах. Стимуляция может оставаться той же самой, даже если кролик заменяется его муляжом. Напротив, сила стимуляции побуждать к согласию с вопросом «Гавагай?» может изменяться в зависимости от изменений в зрительной перспективе,

освещении и цветовом контрасте, хотя кролик при этом и остается тем же самым. При экспериментальном отождествлении употребления предложений «Гавагай» и «Кролик» именно стимуляции, а не животные должны быть приведены в соответствие. Для наших целей именно зрительная стимуляция наилучшим образом отождествляется с моделью хроматического возбуждения глаза. Глубоко входить в рассмотрение мозга субъекта, даже если бы это и было возможно, нет никакого смысла, поскольку мы стремимся держаться подальше от его идиосинкратических нервных окончаний или от личной истории формирования его привычек. Нас интересует его социально обусловленное употребление языка, следовательно, его реакции на условия обычно подлежат социальной оценке <...>лингвист оказался бы не в состоянии проверить. Но это не страшно. Лингвист может разумно доказать, что абориген был бы побужден согласиться с предложением «Гавагай» в силу тех же микроскопических возбуждений, что побудили бы его самого, лингвиста, согласиться с предложением «Кролик», даже если это доказательство опирается исключительно на примеры, относительно которых соответствующие возбуждения могут в лучшем случае рисковать оказаться всего лишь очень похожими. Тем не менее не следует рассматривать зрительные стимуляции как образцы моментального статистического воздействия. Поступать так означало бы не брать в расчет примеры, которые, в отличие от предложения «Кролик», утверждают движение. С другой стороны, подобный подход мог бы создавать проблемы даже с предложениями типа «Кролик»; дело в том, что слишком много зависит от того, что предшествует мгновенному воздействию, и от того, что следует за ним. Мгновенный кроликоподобный образ, высвечиваемый искусственным образом посреди какой-то последовательности, которая иначе ничем бы не напоминала о кролике, может не побудить к согласию с предложением «Кролик», даже несмотря на то, что тот же самый образ побудил бы к согласию с вышеуказанным предложением, будь он частью более благоприятной последовательности. Трудность может возникнуть из-за надежды поставить в соответствие моделям возбуждения, располагающим к согласию с предложением «Гавагай», модели возбуждения, которые располагают к согласию с предложением «Кролик»; мы даже не можем недвусмысленно сказать о модели возбуждения, самой по себе и безотносительно к тому, что предшествует ей и следует за ней, располагает ли она к предложению «Кролик» или нет.

<...>

Кто знает, не являются ли те объекты, к которым применяется этот термин, не кроликами, а простыми фазами, или краткими временными сегментами кролика? В каждом таком случае стимульные ситуации, которые побуждают к согласию с предложением «Гавагай», будут такими же, что и стимульные ситуации, которые побуждают к согласию с предложением «Кролик». Или, возможно, те объекты, к которым применяется термин «гавагай», - это все без исключения неотчуждаемые части кроликов; опять-таки стимульное значение не регистрирует каких-либо различий. Когда от подобия стимульных значений предложений «Гавагай» и «Кролик» лингвист резко перескакивает к заключению, что гавагай - это целый делящийся кролик, он просто считает само собою разумеющимся то, что аборигены достаточно похожи на нас, чтобы иметь краткий общий термин для кроликов и не иметь кратких общих терминов для кроличьих фаз или частей.

Китайская комната

Дж. Сёрл «Сознание, мозг и программы» (1984)

Цит. по: Аналитическая философия: Становление и развитие (антология) / Общ. ред., сост. и вступ. ст. А. Ф. Грязнова. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. С. 378-379.

Представим себе, что меня заперли в комнате и дали некий массивный текст на китайском языке. Представим себе далее, что я не знаю ни письменного, ни устного китайского языка (так оно и есть на самом деле) и что я не уверен даже, что распознал бы китайский письменный текст в качестве такового, сумев отличить его, скажем, от японского письменного текста или от каких-нибудь бессмысленных закорючек. Для меня китайское письмо как раз и представляет собой набор бессмысленных закорючек. Представим себе далее, что вслед за этой первой китайской рукописью мне дали вторую китайскую рукопись вместе с набором правил сопоставления второй рукописи с первой. Правила эти на английском языке, и я понимаю их, как понял бы любой другой носитель английского языка. Они дают мне возможность сопоставить один набор формальных символов со вторым набором формальных символов, и единственное, что значит здесь слово «формальный», — то, что я могу распознавать символы только по их форме. Представьте себе теперь, что мне дали третью китайскую рукопись вместе с некоторыми инструкциями, — вновь на английском языке, — дающими мне возможность сопоставлять элементы этой третьей рукописи с первыми двумя,

и эти правила учат меня, как в ответ на те или иные формальные символы из третьей рукописи выдавать определенные китайские символы, имеющие определенные очертания. Люди, которые дали мне все эти символы, называют первый текст «рукописью», второй — «рассказом», а третий — «вопросами», но я всех этих названий не знаю. Кроме того, они называют символы, которые я выдаю в ответ на третий текст, «ответами на вопросы», а набор правил на английском языке, который они дали мне, — «программой». Чтобы слегка усложнить эту историю, вообразите себе, что эти люди также дали мне некие рассказы на английском языке, которые я понимаю, и они задают мне вопросы на английском языке об этих рассказах, и я выдаю им ответы на английском языке. Представьте себе также, что после некоторого промежутка времени я так набиваю руку в выполнении инструкций по манипулированию китайскими символами, а программисты так набивают руку в писании программ, что при взгляде со стороны — то есть с точки зрения какого-либо человека, находящегося вне комнаты, в которой я заперт, — мои ответы на вопросы абсолютно неотличимы от ответов настоящих носителей китайского языка. Никто не сможет сказать, — если он видел только мои ответы, — что я ни слова не говорю по-китайски. Представим себе далее, что мои ответы на английские вопросы неотличимы от ответов, которые бы дали настоящие носители английского языка (как этого и следовало ожидать) — по той простой причине, что я и есть настоящий носитель английского языка. При взгляде со стороны, — с точки зрения какого-нибудь человека, читающего мои «ответы», — ответы на китайские вопросы и ответы на английские вопросы равно хороши. Но в случае китайских ответов, в отличие от случая английских ответов, я выдаю ответы, манипулируя неинтерпретированными формальными символами.

Расширенное сознание

Д. Чалмерс, Э. Кларк «Расширенное сознание» (1998)

Пер. с: Clark, A. & Chalmers, D. (1998) The Extended Mind. Analysis. 1998. № 1. P. 7–19.

Инга узнает от подруги, что в Музее современного искусства есть выставка, и решает пойти на нее. Она задумывается на мгновение и вспоминает, что музей находится на 53-й улице, поэтому она идет на 53-ю

улицу и входит в музей. Кажется очевидным, что Инга считает, что музей находится на 53-й улице, и что она была убеждена в этом еще до того, как сверилась со своей памятью. Убеждение сидело где-то в памяти, ожидая доступа.

Теперь рассмотрим Отто. Отто страдает болезнью Альцгеймера, и, как многие пациенты с болезнью Альцгеймера, он полагается на информацию из окружающей среды, которая помогает ему структурировать свою жизнь. Отто везде с собой носит блокнот. Когда он узнает новую информацию, он записывает ее. Когда ему нужна старая информация, он ищет ее. Для Отто его записная книжка играет роль, которую обычно играет биологическая память. Сегодня Отто узнает о выставке в Музее современного искусства и решает пойти посмотреть на нее. Он сверяется с записной книжкой, в которой написано, что музей находится на 53-й улице, поэтому он идет на 53-ю улицу и входит в музей.

Очевидно, Отто пошел на 53-ю улицу, потому что хотел пойти в музей и считал, что музей находится на 53-й улице. И так же, как Инга была убеждена в этом еще до того, как сверилась со своей памятью, кажется разумным сказать, что Отто был убежден, что музей находится на 53-й улице, до того, как заглянул в свою записную книжку. В этом отношении случаи полностью аналогичны: записная книжка играет для Отто ту же роль, что и память для Инги. Информация в записной книжке функционирует точно так же, как информация, составляющая обычное несбыточное убеждение; просто так случается, что эта информация лежит за границами кожи.

Альтернатива - сказать, что Отто не был убежден в этом, пока не сверился со своим блокнотом; в лучшем случае он считает, что музей находится по адресу, указанному в записной книжке. Но если мы какое-то время проследим за Отто, то увидим, насколько неестественна такая манера говорить. Отто, естественно, постоянно пользуется своим блокнотом. Это центральное место в его действиях во всех контекстах точно так же, как обычные воспоминания занимают центральное место в обычной жизни. Одна и та же информация могла появляться снова и снова, возможно, иногда с небольшими изменениями, прежде чем скрыться в глубинах его искусственной памяти. Сказать, что убеждения исчезают, когда записная книжка убирается в папку, похоже, означает упустить общую картину, как и сказать, что убеждения Инги исчезают, как только она перестает их осознавать.

Конечно, поскольку убеждения и желания характеризуются своей объясняющей ролью, случаи Отто и Инги кажутся равными: причинная

динамика этих двух случаев точно отражает друг друга. Мы рады объяснить поступок Инги с точки зрения ее возникающего желания пойти в музей и ее постоянного убеждения, что музей находится на 53-й улице, и мы должны быть рады объяснить поступок Отто таким же образом. Альтернативой является объяснение действий Отто с точки зрения его возникающего желания пойти в музей, его постоянной убежденности в том, что музей находится на месте, указанном в записной книжке, и доступном факте, что в записной книжке указано, что музей находится на 53-й улице; но это излишне усложняет объяснение. Если мы должны прибегнуть к объяснению действий Отто таким образом, мы должны сделать то же самое для бесчисленных других действий, в которых участвует его записная книжка; в каждом из объяснений будет дополнительный термин, связанный с записной книжкой. Мы утверждаем, что для объяснения вещей таким образом нужно всегда делать на один шаг больше. Это настолько же бессмысленно сложно, как объяснять действия Инги с точки зрения представлений о ее памяти. Записная книжка – константа для Отто, так же как память – константа для Инги; указывать на него в каждом объяснении убеждений было бы излишним. В объяснении простота – это сила.

Если это верно, мы даже можем предложить случай с Близнецом Отто, который похож на Отто, за исключением того, что некоторое время назад он по ошибке написал в своей записной книжке, что Музей современного искусства находится на 51-й улице. Близнец Отто – это физическая копия Отто из кожи, но его записная книжка отличается. Следовательно, Близнец Отто лучше всего охарактеризован как убежденный, что музей находится на 51-й улице, пока Отто считает, что он находится на 53-й улице. В этих случаях убеждение просто не в голове.

<...> Мораль такова: когда дело доходит до убеждений, в черепе и коже нет ничего священного. Что делает некоторую информацию убеждением, так это роль, которую она играет, и нет причин, по которым соответствующую роль она можно играть только изнутри тела.

<...> Чтобы оказать существенное сопротивление, оппонент должен показать, что дела Отто и Инги различаются в некоторых важных и актуальных аспектах. Но в чем же глубокое отличие этих случаев? Излагать аргументы исключительно на том основании, что в одном случае информация находится в голове, а в другом – нет, означало бы зайти в тупик.

Можно предположить, что случаи существенно отличаются, поскольку у Инги более *надежный* доступ к информации. В конце концов, кто-то может

забрать записную книжку Отто в любой момент, а память Инги в большей безопасности. Не исключено, что постоянство имеет значение: действительно, тот факт, что Отто всегда пользуется своим блокнотом, сыграл некоторую роль в нашем обосновании его когнитивного статуса. Если бы Отто консультировался с путеводителем на разовой основе, у нас было бы гораздо меньше шансов приписать ему устойчивое убеждение. Но в исходном случае доступ Отто к записной книжке очень надежен – не абсолютно, конечно, но не меньше, чем доступ Инги к ее памяти. Хирург может вмешаться в ее мозг или, говоря более обыденно, она может слишком много выпить. Одной возможности такого вмешательства недостаточно, чтобы лишить ее убеждений.

Можно было бы беспокоиться, что доступ Отто к его записной книжке непостоянен. Например, он принимает душ без записной книжки и не может читать ее в темноте. Разве убеждения могут так легко приходить и уходить? Мы могли бы обойти эту проблему, переписав ситуацию, но в любом случае случайное временное «отключение» доступа не угрожает эксперименту. В конце концов, когда Инга спит или находится в состоянии алкогольного опьянения, мы же не говорим, что её убеждения исчезают. Что действительно важно, так это то, что информация легко доступна, когда она нужна субъекту, и это ограничение выполняется в равной степени в обоих случаях.

Возможно, дело в том, что у Инги доступ к информации лучше, чем у Отто? «Центральные» процессы Инги и ее память, вероятно, имеют связь с относительно высокой пропускной способностью по сравнению с низкоуровневой связью между Отто и его блокнотом. Но одно это не делает разницы между убеждением и не убеждением. Возьмем, к примеру, подругу Инги, Люси, биологическая память которой слаба из-за прошлых злключений. Обработка информации в случае Люси может быть менее эффективной, но до тех пор, пока соответствующая информация доступна, Люси явно считает, что музей находится на 53-й улице.

Другое предположение могло заключаться в том, что Отто имеет доступ к соответствующей информации только через восприятие, тогда как Инга имеет более прямой доступ – возможно, через самоанализ. В некотором смысле, однако, ставить вещи таким образом – вновь заходить в тупик. В конце концов, мы фактически отстаиваем точку зрения, согласно которой внутренние процессы Отто и его записная книжка составляют единую когнитивную систему. С точки зрения этой системы, поток информации между блокнотом и мозгом вообще не

воспринимается; это не связано с воздействием чего-то вне системы. Это больше похоже на поток информации в мозгу. Единственный глубокий способ, которым доступ является перцептивным, состоит в том, что в случае Отто существует отчетливо перцептивная феноменология, связанная с поиском информации, тогда как в случае Инги нет. Но почему природа связанной феноменологии должна иметь значение для статуса убеждения? Память Инги может иметь некоторую связанную феноменологию, но это все же убеждение. Конечно, феноменология не визуальна. Но для визуальной феноменологии рассмотрим Терминатора из одноименного фильма с Арнольдом Шварценеггером. Когда он вспоминает какую-то информацию из памяти, она «отображается» перед ним в его поле зрения (по-видимому, он это осознает, поскольку есть кадры, изображающие его точку зрения). Тот факт, что постоянные воспоминания вспоминаются таким необычным образом, несомненно, мало влияет на их статус как убеждений.

Все эти небольшие различия между случаями Отто и Инги слишком мелкие. Сосредоточиться на них значило бы упустить из виду, что для Отто записи в записных книжках играют именно ту роль, которую убеждения играют в жизни большинства людей.

Эксперименты с формами познания

Проблема Молиньо⁴

У. Молиньо, письмо Дж. Локку (1688)

Цит. по: Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. Т. 1 / Под ред. И. С. Нарского. М.: Мысль, 1985. С. 195

«Представим себе слепорожденного, уже взрослого и научившегося посредством осязания отличать куб от шара одного и того же металла и почти одной и той же величины, так что, ощупав тот и другой, он может сказать, который куб и который шар. Предположим теперь, что куб и шар находятся на столе, а слепой прозрел. Спрашивается, может ли он теперь одним зрением, без прикосновения к ним, различить их и сказать, который шар к которому куб?»

Решение Дж. Локка

Дж. Локк «Опыт о человеческом разумении» (1700)

Цит. по: Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. Т. 1 / Под ред. И. С. Нарского. М.: Мысль, 1985. С. 194-195

Идеи ощущения часто изменяются суждением. Что касается восприятия, то нужно заметить далее, что идеи, получаемые от ощущения, часто у взрослых и незаметно для них изменяются суждением. Когда мы ставим перед глазами одноцветный круглый шар, например золотой, алебастровый или янтарный, то очевидно, что им запечатлевается в нашем уме идея плоского, различно затененного круга, с различными степенями света и яркости, воспринимаемых нашими глазами. Но так как мы имеем привычку к такому восприятию, какое обыкновенно вызывают выпуклые тела и перемены в отражениях света, производимые различными чувственно воспринимаемыми формами тел, то суждение в силу привычки тотчас же заменяет видимость ее причиной. И из того, что на деле представляет собой множество различных

---

⁴ В различных переводах могут использоваться другие варианты написания фамилии: Молине, Молинэ, Молинё.

теней или окрасок, составляющих фигуру, суждение создает признак формы и строит для себя восприятие выпуклой формы и единообразной окраски, тогда как идея, получаемая нами [непосредственно], есть только разноцветная плоскость, что очевидно в живописи. Для пояснения этого и включаю сюда задачу весьма искусного и усердного исследователя,двигающего вперед действительное знание, ученого и почтенного г-на Молинё, которую он любезно сообщил мне в письме несколько месяцев назад; вот она: «Представим себе слепорожденного, уже взрослого и научившегося посредством осязания отличать куб от шара одного и того же металла и почти одной и той же величины, так что, ощупав тот и другой, он может сказать, который куб и который шар. Предположим теперь, что куб и шар находятся на столе, а слепой прозрел. Спрашивается, может ли он теперь одним зрением, без прикосновения к ним, различить их и сказать, который шар к который куб?» На что остроумный и рассудительный исследователь отвечает так: «Нет. Ибо хотя он и знает по опыту, как действуют на осязание шар и куб, но он еще не узнал из опыта, что то, что таким или иным образом действует на его осязание, должно таким или иным образом действовать и на его зрение или что выступающий угол в кубе, неровно давивший на его руку, покажется его глазу таким, как он есть в кубе». Я согласен с ответом, даваемым на свою задачу самим же этим мыслящим джентльменом, которого с гордостью называю своим другом. Я тоже думаю, что слепой, прозрев, сразу не может сказать с достоверностью, где шар и где куб, если он только видит их, хотя бы он мог безошибочно назвать их при помощи осязания и верно различить благодаря ощущаемой разнице в форме. Я свое мнение высказал и предоставляю читателю случай поразмыслить о том, сколь многим он может быть обязан опыту, самосовершенствованию и приобретенным понятиям там, где он считает, что не имеет ни малейшей пользы и помощи от них; тем более что (добавим далее) этот наблюдательный джентльмен, используя мою книгу как повод, предлагал свой вопрос разным очень умным людям, но не встретил почти никого, кто бы дал ему сразу же верный, по его мнению, ответ, пока он своими доводами не убеждал в своей правоте.

Решение Лейбница

Г.В. Лейбниц «Новые опыты о человеческом разумении» (1704)

Цит. по: Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х т. Т. 2/Ред., авт. вступ. статьи и примеч. И. С. Нарский. М.: Мысль, 1983. С. 131-138

Ф и л а л е т. Здесь будет уместно заметить, что идеи, получаемые посредством ощущения, у взрослых часто искажаются суждением разума, хотя они этого и не осознают. Идея одноцветного шара представляет плоский круг с различно расположенными на нем тенью и светом. Но так как мы привыкли различать образы тел и изменения отражения света в зависимости от формы их поверхностей, то мы ставим на место того, что нам является, саму причину образа и смешиваем суждение со зрительным ощущением.

Т е о ф и л. Это совершенно верно, и это дает живописи возможность обманывать нас путем искусного использования перспективы. Когда у тел плоские края, то их можно представить, не прибегая к теням, а пользуясь только контурами, делая рисунки на манер китайцев, но более пропорциональным образом. Так рисуют обыкновенно медали, когда художник желает отступить возможно меньше от точных рисунков древних. Но по рисунку, лишенному теней, невозможно отличить точно внутренность круга от внутренности сферической поверхности, ограниченной этим кругом. Объясняется это тем, что внутренность круга и внутренность сферической поверхности не имеют выдающихся точек или отличительных черт, хотя между ними имеется значительная разница, которая должна быть отмечена. В связи с этим г. Дезарг установил правила, касающиеся значения оттенков и теней. Таким образом, в случае иллюзии, вызываемой у нас картиной, в наших суждениях имеется двойная ошибка. Во-первых, мы ставим причину на место следствия и полагаем, что видим непосредственно то, что является причиной образа. В этом мы несколько похожи на собаку, лающую на зеркало. В действительности мы видим только образ и на нас действуют только лучи; но так как световые лучи требуют для своего прохождения известного времени (как бы незначительно оно ни было), то возможно, что за этот промежуток времени сам предмет будет уничтожен и не будет уже существовать, когда луч света достигнет глаза, а несуществующее не может быть наличным объектом зрения. Во-вторых, мы ошибаемся также, ставя на место одной причины другую и полагая, что то, что получается от плоского рисунка, имеет своим источником тело. Таким образом, в данном случае в наших суждениях имеются одновременно метонимия и метафора; ведь даже риторические фигуры превращаются в софизмы, если они вводят нас в заблуждение. Это смешение следствия с причиной — истинной или мнимой — часто встречается в наших суждениях и в других случаях. Так, мы ощущаем наши тела или то, что прикасается к ним, и двигаем руками с помощью непосредственного физического влияния, составляющего, как мы думаем, взаимодействие души

и тела; в действительности же мы ощущаем и изменяем таким образом лишь то, что находится в нас.

Ф и л а л е т. В связи с этим я предложу Вам одну задачу, которую сообщил знаменитому Локку ученый г. Молинэ, использовавший столь плодотворно свой прекрасный талант для прогресса наук. Вот она приблизительно в его собственных выражениях. Предположите слепорожденного, ставшего уже взрослым, которого научили отличать с помощью осязания куб от шара из того же металла и приблизительно той же самой величины, так что, когда он прикасается к обоим этим предметам, он может сказать, какой из них куб и какой — шар. Предположите далее, что куб и шар поставлены на стол и что наш слепой обрел вдруг зрение. Спрашивается, мог ли бы он, видя их, но не прикасаясь к ним, различить их и сказать, какой из них куб и какой — шар. Я прошу Вас, милостивый государь, сказать мне, что Вы думаете об этом.

Т е о ф и л. Мне потребовалось бы известное время, чтобы обдумать этот вопрос, который кажется мне очень любопытным; но так как Вы требуете немедленного ответа, то я рискну Вам сказать между нами следующее: по моему, этот слепорожденный — если предположить, что он знает, что стоящие перед ним фигуры — это фигуры куба и шара, — сможет их различить и сказать, не прикасаясь к ним: это шар, а это куб.

Ф и л а л е т. Боюсь, как бы Вас не отнесли к числу тех, кто дал неудачный ответ г-ну Молинэ. В письме, содержащем этот вопрос, он сообщает, что предложил его в связи с «Опытом о человеческом разумении» Локка ряду очень проницательных лиц, но почти никто не дал на его вопрос ответа, который он считает правильным, хотя, выслушав его доводы, они признали свою ошибку. Ответ этого проницательного и рассудительного автора отрицательный. В самом деле, прибавляет он, хотя этот слепой научился из опыта, каким образом шар и куб действуют на его осязание, однако он еще не знает, что то, что действует на его осязание таким-то образом, должно казаться его зрению именно таким-то; он не знает, что выдающийся вперед угол куба, неравномерно давивший на его руку, должен казаться его глазам именно таким, каким он является у куба. Сам Локк заявляет, что он целиком придерживается этого взгляда.

Т е о ф и л. Быть может, г. Молинэ и автор «Опыта...» не настолько расходятся со мной, как это кажется сначала, а доводы в пользу их взгляда, содержащиеся, очевидно, в письме Молинэ, успешно использовавшего их, чтобы показать своим собеседникам их ошибку, были нарочно удалены Локком, чтобы дать больше работы собственной мысли читателей. Если Вы

вдумаетесь в мой ответ, то заметите, что я внес в него одно условие, которое можно считать как бы включенным в сам вопрос: речь идет только о том, чтобы различить две фигуры; наш слепой знает, что то, что он видит перед собой, – либо куб, либо шар. В этом случае мне кажется бесспорным, что прозревший слепой сможет различить их с помощью принципов разума в соединении с чувственным познанием, доставленным ему раньше осязанием. Говоря это, я имею в виду не то, как он поступит, может быть, в действительности, пораженный и оглушенный новизной представившегося ему и, кроме того, мало привыкший делать умозаключения. В своем утверждении я основываюсь на том, что у шара нет выделяющихся точек, так как все у него гладко и без углов, между тем как у куба есть восемь точек, выделяющихся среди всех других. Если бы не было этого способа различать фигуры, то слепой не мог бы путем осязания научиться начаткам геометрии. Между тем мы знаем, что слепорожденные способны изучить геометрию и обладают всегда некоторыми начатками естественной геометрии, а мы обычно обучаемся геометрии при помощи одного только зрения, не пользуясь осязанием, как это мог бы и должен бы сделать паралитик или всякий другой человек, который не мог бы воспользоваться осязанием. Обе эти геометрии — геометрия слепого и геометрия паралитика — должны согласоваться между собой и даже опираться на одни и те же идеи, хотя у них нет никаких общих образов. Это опять-таки показывает, насколько тщательно следует отличать образы от точных идей, заключающихся в определениях. Действительно, было бы очень любопытно и даже поучительно основательно исследовать идеи слепорожденного и услышать его описания фигур. Ведь он может добиться этого, и он может даже понять оптику, поскольку она зависит от отчетливых математических идей, хотя он не способен представить себе ясной, но неотчетливой стороны (*clair-confus*) ее, т. е. образа света и цветов. Вот почему один слепорожденный, прослушавший лекции по оптике, которые он, по видимому, недурно понял, ответил на вопрос о том, что он думает о свете, что он представляет себе его в виде чего-то приятного вроде сахара. Точно так же было бы очень важно исследовать идеи глухонемого от природы относительно вещей, не обладающих фигурой: у нас имеются обыкновенно словесные описания их, его же описание должно быть совершенно иного рода, хотя оно может быть эквивалентно нашему, подобно тому как китайское письмо приводит к результатам, эквивалентным результатам нашего алфавита, хотя оно бесконечно отличается от него и может показаться изобретенным глухонемым. Одно высокопоставленное лицо милостиво сообщило мне, что в Париже один глухонемой от природы, обретший наконец слух 120 и

научившийся теперь французскому языку (сообщение об этом недавно пришло от французского двора), рассказал очень много любопытного насчет своих прежних представлений и насчет изменений, которые претерпели его идеи, после того как у него стало действовать чувство слуха. Глухонемые от природы могут добиться гораздо большего, чем это думают. В Ольденбурге при последнем графе жил один глухонемой, который стал недурным живописцем и вообще был очень рассудительным человеком. Один весьма ученый господин, но происхождения бретонец, мне рассказал, что в Бленвилле, в 10 лье от Нанта, принадлежащем герцогу де Рогану, около 1690 г. жил один бедняк, жилищем которому служила хижина недалеко от замка, за городом. Глухонемой от рождения, он носил письма и другие вещи в город и находил дома по признакам, которые указывали ему лица, обычно пользовавшиеся его услугами. Под конец бедняга еще ослеп, но тем не менее он продолжал выполнять кое-какие поручения и относить письма в город, пользуясь знаками, подававшимися ему с помощью осязания. В его хижине была доска, проложенная от двери до места, где находились его ноги, и по движению этой доски он узнавал, зашел ли кто-нибудь к нему. Люди делают большое упущение, не пытаясь тщательно познакомиться со способом мышления таких лиц. Если этот человек уже умер, то возможно, что кто-нибудь из местных жителей мог бы сообщить о нем какие-нибудь сведения и рассказать нам, как ему объясняли то, что он должен был мы полнить. Но вернемся к вопросу о том, что мог бы сказать о шаре и кубе, увидя их, но не прикасаясь к ним, прозревший слепорожденный. На это я отвечу, что он различит их, как я уже сказал, если кто-нибудь предупредит его, что впечатления и восприятия, которые он получит, будут относиться к кубу и шару. Но без этого предварительного предупреждения он, я думаю, не догадается сразу, что эти своеобразные изображения, которые образуются в глубине его глаз и которые могут происходить от плоского рисунка на доске, представляют тела, пока его в этом не убедит осязание или же пока путем рассуждений, исходя из законов оптики о световых лучах, он не поймет на основании распределения света и теней, что какая-то вещь задерживает эти лучи и что это должно быть именно то, что он испытывает при прикосновении. Он сможет наконец убедиться в этом, если этот шар и куб придут в движение, причем он увидит, как в зависимости от движения изменяется тень и вид фигур, или если оба этих тела останутся в покое, но переменит место освещающий их свет, или же если переменят свое положение его глаза. Приблизительно таким же образом мы отличаем издали картину или перспективу, представляющую тело, от самого тела.

Решение Кондильяка

Кондильяк «Опыт о происхождении человеческих знаний» (1746)

Цит. по: Кондильяк. Сочинения: В 2-х т, Т. I./ Общ. ред., вступит, статья и примеч. В. М. Богуславского. М.: Мысль, 1980. С. 171-173

§ 2. Все это рассуждение предполагает, что образ, рисуемый в глазу при виде шара, есть не что иное, как плоский круг, различно освещенный и окрашенный, что верно. Но оно еще предполагает — и это мне кажется ошибочным,— что впечатление, вызываемое в силу этого ;в душе, дает нам только восприятие круга, так что, если мы видим шар выпуклой фигуры, то это происходит потому, что, приобретя благодаря опыту осознания идею этой фигуры и зная, какого рода образ производит она в нас через зрение, мы приучились вопреки тому, что нам сообщает образ, считать ее выпуклой,— суждение, которое — я пользуюсь выражением, употребляемым Локком несколько позже,— изменяет идею ощущения и представляет ее нам иной, чем она есть сама по себе.

§ 3. В числе этих предположений Локк выдвигает без доказательства предположение, будто ощущение души представляет собой только образ, который мы можем нарисовать в своем глазу, и ничего больше. Что касается меня, то, когда я смотрю на шар, я вижу нечто другое, чем плоский круг, — опыт, на который, мне кажется, с моей стороны вполне естественно будет полагаться. Есть, кроме того, много оснований не соглашаться с суждениями, к которым прибегает этот философ. Сначала он предполагает, что мы знаем, какого рода образы производят в нас выпуклые тела и какие изменения наступают при размышлении о свете в зависимости от различия чувственно воспринимаемых форм тел, — знание, которого совсем не имеет большинство людей, хотя они видят формы таким же образом, что и философы. Во-вторых, как бы мы ни соединяли эти суждения со зрением, мы никогда не спутаем их с ним вопреки предположению Локка; но мы увидели бы их так, а судили бы о них иначе. Я вижу барельеф, я знаю — не сомневаясь в этом, — что он едва выступает над плоской поверхностью, я прикоснулся к нему; однако это знание, неоднократно полученный опыт и все суждения, которые я могу на этот счет сделать, отнюдь не мешают мне видеть выпуклые формы. Почему сохраняется эта видимость? Почему суждение, способное показать мне вещи

совсем не такими, каковы они в идее, которую дают мне о них мои ощущения, не способно показать мне их сообразно с этой идеей? Точно так же можно рассуждать о том, что здание, о котором мы знаем и судим, что оно квадратное, видится нам издали круглым, и о тысяче других подобных примеров.

§ 4. В-третьих, доводом, которого одного было бы достаточно, чтобы опровергнуть это мнение Локка, служит то, что невозможно заставить нас осознать такого рода суждения. Напрасно было бы ссылаться на то, что в душе, как кажется, происходит много вещей, которых мы не знаем. Потому что, как я сказал в другом месте*, верно, конечно, что мы вполне можем забывать эти суждения мгновение спустя после того, как мы их построили; но когда мы делаем их предметом нашего размышления, осознание их становится столь ярким, что мы больше не можем в нем сомневаться. § 5. Следуя мнению Локка и всем его выводам, нужно было бы рассуждать о расстояниях, положениях, величинах и протяженности так, как он рассуждал о фигурах. Таким образом, можно было бы сказать: «Конечно, когда мы смотрим на обширную равнину, идея, запечатлевающаяся в нашем уме при виде ее, представляет плоскую поверхность, неодинаково оттененную и окрашенную, с различной степенью освещенности, воспринимаемой нашими глазами. Но так как мы, основываясь на своем опыте, привыкли различать, какого рода образы вызывают обычно в нас тела, неодинаково расположенные, неодинаково отдаленные, неодинаковой величины и протяженности, и какие перемены в отражении света происходят в зависимости от различия в расстоянии, положении, величине и протяженности,— то мы тотчас же заменяем то, что нам видится, самой причиной образов, которые мы видим, делая это на основании суждения, которое опыт сделал для нас обычным; так что, присоединяя к тому, что мы видим, суждение (которое мы смешиваем с тем, что видим), мы создаем себе идеи различных положений, расстояний, величин и протяженностей, хотя в сущности наши глаза представляют нам только плоскость, различные участки которой неодинаково оттенены и неодинаково окрашены». Такое толкование рассуждения Локка тем более правильно, что все идеи положения, расстояния, величины и протяженности, которые зрение дает нам о равнине, в миниатюре содержатся в восприятии различных частей шара. Однако наш философ не принял этих выводов. Требуя при обсуждении поставленной им проблемы, чтобы шар и куб были приблизительно одинаковой величины, он в достаточной мере дает понять, что зрение может без помощи какого-либо суждения дать нам различные идеи величины. Здесь, однако, противоречие, ибо нельзя понять, как можно иметь идеи величины, не имея идей фигур.

Кондильяк «Трактат об ощущениях» (1754)

Цит. по: Кондильяк. Сочинения: В 3-х т, Т. 2 / Общ. ред., вступит. статья и примеч. В. М. Богуславского. М.: Мысль, 1982. С. 317-324

Молине, выдвинувший одну проблему, которая дала повод развить все вопросы, касающиеся зрения, уловил, кажется, только часть истины. «Представим себе, — говорит он, согласно Локку, — слепорожденного, уже взрослого и научившегося посредством осязания различать куб и шар из одного и того же металла и почти одинаковой величины... Спрашивается, может ли он теперь одним зрением, без прикосновения к ним, различить их и сказать, который из них шар и который — куб?». Условия, что два тела должны быть из одного и того же металла и одинаковой величины, излишни; второе из этих условий, по-видимому, предполагает, что зрение может без содействия осязания давать различные идеи величины. Но если это так, то непонятно, почему Локк и Молине отрицают, что зрение само по себе могло бы различать фигуры. Кроме того, они должны были бы применить к расстояниям, положениям и величинам те же рассуждения, что и к фигурам, и прийти к выводу, что в тот момент, когда глаза слепорожденного откроются для света, он не сможет судить ни об одной из этих вещей, ибо в миниатюре все они даны в восприятиях различных частей шара и куба. Предположение, что глаз, способный различить положения, величины и расстояния, не способен был бы различить фигуры, внутренне противоречиво.

<...>

До операции следовало бы принять предосторожность, а именно заставить слепорожденного поразмыслить над идеями, полученными им благодаря осязанию. Будучи в состоянии разобраться в них, он мог бы определить, передаются ли они ему зрением, и сам сообщить то, что он видит, так что почти не нужно было бы задавать ему вопросов. После удаления катаракты следовало бы запретить ему пользоваться руками, пока не удалось бы выяснить идей, для которых не нужна помощь осязания. Надо было бы наблюдать, кажется ли ему, что воспринимаемый им свет простирается очень далеко; может ли он определить границы его; так ли он смутен, этот свет, что в нем нельзя различить нескольких модификаций. Показав ему сперва два цвета порознь, надо было бы затем показать их ему вместе и спросить, не узнает ли он во втором случае что-либо из того, что видел в первом. Надо было

бы то устраивать так, чтобы перед его глазами один за другим быстро проносилось довольно большое количество цветов, то показывать их ему одновременно и выяснять, сколько он может различить их сразу. Надо было бы, в частности, исследовать, различает ли он величины, фигуры, положения, расстояния и движение. Но расспрашивать его следовало бы умело, избегая всяких вопросов, содержащих в себе ответ. Спрашивать его, видит ли он треугольник или квадрат, было бы все равно что сказать ему, как он должен видеть, и давать уроки его глазам.

Весьма надежное средство для осуществления опытов, способных рассеять всякие сомнения, заключалось бы в том, чтобы поместить слепого, у которого только что сняли катаракту, в стеклянную камеру. Действительно, либо он увидит предметы, находящиеся за ней, и сумеет судить об их форме и величине, либо он увидит только пространство, ограниченное стенками его камеры, и примет все эти предметы просто за различно окрашенные поверхности, которые, как ему покажется, вытягиваются по мере того, как он простирает к ним руки. В первом случае это будет доказательством того, что глаз составляет суждения без всякой помощи со стороны осязания, а во втором — что он составляет их, лишь посоветовавшись с осязанием. Если, как я думаю, этот человек не может видеть дальше своей камеры, то отсюда следует, что открываемое им с помощью глаза пространство будет тем меньше, чем меньше будет его камера: оно будет в один фут, в полфута или даже меньше. Таким путем можно будет убедиться, что он не мог бы видеть цветов вне своих глаз, если бы осязание не научило его видеть их на стенках его камеры.

Решение Дидро

Д. Дидро «Письмо о слепых в назидание зрячим» (1749)

Цит. по: Дидро, Д. Избранные философские произведения. Предисл. Я. Мильнер. Москва: Госполитиздат, 1941. С. 61

Пытаются вернуть зрение слепорожденным. Но если вдуматься хорошенько, то, по моему мнению, для философии большую ценность имеют расспросы здравомыслящего слепого. От него можно было бы узнать, как у него происходит процесс восприятия; это можно было бы сравнить с ходом этого процесса у нас, и путем такого сравнения, может быть, удалось бы добиться разрешения трудностей, делающих столь ненадежной и запутанной

теорию зрения. Но, признаться, я не понимаю, чего рассчитывают добиться от человека, производя болезненную операцию очень деликатного органа, который расстраивается от малейшей случайности и который часто обманывает здоровых людей, издавна пользующихся его преимуществами. Что касается меня, то я с большей охотой выслушал бы мнение насчет теории «восприятия какого-нибудь метафизика, которому были бы знакомы принципы метафизики, элементы математики и строение частей тела, чем необразованного, невежественного человека, которому вернули бы зрение, снявши с его глаз катаракту. Я меньше полагался бы на ответы видящего в первый раз человека, чем на сообщение философа, который хорошо обдумал бы во мраке этот вопрос или, выражаясь поэтическим языком, который выколол бы себе глаза, чтобы лучше узнать, как происходит зрительное восприятие. Чтобы придать этим опытам некоторую ценность, надо было бы, по меньшей мере, задолго подготовить испытуемого субъекта, надо было бы (воспитать его и, может быть, сделать его философом. Но нельзя мгновенно превратить человека в философа, даже если у него есть задатки к этому. Что же сказать о человеке, у которого этих задатков нет, или—что еще хуже о человеке, воображающем себя! философом? Было бы очень полезно начинать наблюдения лишь долго спустя после операции. Для этого надо было бы ухаживать за больным о темноте и хорошо увериться в том, что рана его зажила и что глаза его здоровы. Я был бы против того, чтобы его сразу вывели на дневной свет: яркий свет мешает нам видеть; какое же действие должен он произвести на орган, не испытывший еще ни одного впечатления и поэтому обладающий крайней чувствительностью! Но это еще не все. Было бы и тогда весьма нелегко извлечь все, что нужно, из подготовленного таким образом субъекта и суметь так тонко поставить вопросы, чтобы он рассказал в точности то, что происходит в нем. Этот опрос должен был бы происходить в присутствии целой академии; или, лучше, чтобы не иметь лишних зрителей, надо было бы пригласить на это заседание лишь тех, кто заслуживает этого по своим философским, анатомическим и т. д. знаниям. Для этого нужны были бы самые опытные люди и лучшие умы. Подготовить и расспросить слепорожденного было бы занятием, вполне достойным соединенных талантов Ньютона, Декарта, Локка и Лейбница.

Я закончу это и без того уже растянувшееся письмо одним вопросом, который ставится с давних пор. Некоторые размышления об особенном состоянии Саундерсона убедили меня, что этот вопрос не был никогда полностью разрешен. Предположим, что перед нами уже взрослый слепорожденный, которого научили отличать, при помощи осязания, куб от

шара, составленного из того же самого металла и почти той же самой величины, так что, когда он касается обоих этих предметов, он может сказать, какой из них куб и какой—шар. Предположим, что этот куб и шар находятся на столе и что наш слепой (вдруг получил возможность видеть. И вот спрашивается: смог ли бы он на основании одного лишь зрения, не касаясь этих предметов, отличить их друг от друга и сказать, какой из них куб, а какой— шар? Г-н Молине, первый предложивший этот вопрос, пытался дать ответ на него. Он утверждал, что слепой не сумеет отличить шара от куба, «так как,—говорил он,—хотя путем опыта он узнал, каким образом воздействуют на его осязание шар и куб, однако он не знает, что то, что воздействует таким-то определенным образом на его осязание, должно действовать на его глаза таким-то другим определенным образом; и точно так же он не знает, что выдающийся угол куба, оказывающий неравномерное давление на его руку, должен казаться его глазам таким, каким он кажется». Локк, которому задали этот самый вопрос, сказал: «Я вполне согласен с Молине. Я думаю, что слепой не сумел бы, в первый раз по получении зрения, сказать с какой-либо степенью достоверности, какой из предметов куб, а какой—шар, если бы он ограничился только показаниями зрения, хотя при прикосновении он сумел бы, наверное, отличить и назвать их на основании различия фигур, которое открыло бы ему чувство осязания». Г-н аббат Кондильяк, «Опыт о происхождении человеческих знаний» которого вы прочли с таким удовольствием и пользой, и превосходный «Трактат о системах» которого я посылаю вам при этом письме, придерживается на этот счет особого мнения. Бесполезно было бы приводить вам доводы, которыми он руководствуется; это значило бы лишить вас удовольствия прочесть произведение, в котором они изложены столь приятным и философским образом, так как я своей передачей рисковал бы лишь испортить ваше впечатление. Поэтому я ограничусь лишь указанием, что всеми этими доводами он стремится доказать, что слепорожденный либо ничего не увидит, либо же увидит шар и куб различными, и что условие, будто оба эти тела должны быть из одного и того же металла и почти одинаковой величины, которое почему-то включили в данную задачу,—совершенно излишне; и это верно, ведь,—мог бы он сказать,— если нет никакой существенной связи между ощущением зрения и ощущением осязания, как это утверждают гг. Локк и Молине, то следует признать, что можно, руководствуясь зрением, считать тело, которое легко прикрыть кистью руки, величиною в два фута. Однако г. де-Кондильяк прибавляет, что если слепорожденный видит тела, различает фигуры их и колеблется высказать свое суждение о них, то лишь в силу довольно тонких метафизических

соображений, которые я вам сейчас же разьясню. Итак, вот два различных взгляда по одному и тому же вопросу, высказываемых первоклассными философами. Казалось бы, что после того, как этот вопрос разбирали такие люди, как гг. Молине, Локк и аббат де-Кондильяк, в нем не должно быть ничего неясного, однако одну и ту же вещь можно рассматривать со столь многочисленных точек зрения, что неудивительно, если они не исчерпали их все. Утверждавшие, что слепорожденный способен отличать куб от шара, исходили из допущения некоторого факта, который, может быть, следовало бы сперва разобрать, а именно, следовало бы выяснить, способен ли слепорожденный, у которого сняли катаракту, воспользоваться своими глазами в первые моменты после операции. Сторонники этого взгляда сказали только следующее: «Слепорожденный, сравнивая полученные им путем осязания представления с представлениями о них, получаемыми при помощи зрения, должен непременно понять, что он имеет дело с одними и теми же представлениями; и было бы странно с его стороны утверждать, будто куб дает его зрению представление о шаре, а шар—представление о кубе. Поэтому при пользовании зрением он назовет шаром и кубом то, что он называл шаром и кубом при пользовании осязанием». Какие же доводы противопоставляли им в ответ их противники? Они тоже предполагали, что слепорожденный станет видеть немедленно после операции. Они вообразили себе, что с глазом, с которого сняли катаракту, происходит то же самое, что с рукой, которая перестала быть парализованной: подобно тому, как рука не нуждается в упражнении, чтобы чувствовать, так и глаз не нуждается в упражнении, чтобы видеть. Но они прибавили к этому: «Допустим, что слепорожденный несколько более философ, чем вы это признаете; продолжив ваше рассуждение, он сможет сказать следующее: «Откуда я знаю, что, если я подойду ближе к этим телам и положу свои руки на них, они внезапно не обманут моего ожидания, и куб не даст мне ощущения шара, а шар¹—ощущения куба? Только опыт может показать мне, имеется ли соответствие между зрением и осязанием; ведь эти два чувства могут, вопреки моим ожиданиям, противоречить друг другу; может быть, я решил бы даже, что то, что представляется в данный момент моему зрению, лишь простая видимость, если бы мне не сообщили, что это те самые тела, которых я раньше касался пальцами. Вот это тело, кажется мне, должно быть тем, что я называю кубом, а то другое—тем, что я называю шаром; но ведь меня не спрашивают о том, что мне кажется, а о том, что есть на самом деле; а на этот последний вопрос я совершенно не в состоянии ответить». Это рассуждение, говорит автор «Опыта о происхождении человеческих знаний», способно привести в

замешательство слепорожденного, и только опыт, по моему мнению, может дать ответ на него. Несомненно, г. аббат де-Кондильяк имеет в виду здесь повторный опыт самого слепорожденного, состоящий во вторичном прикосновении к испытуемым телам. Вы сейчас поймете смысл моего замечания. Впрочем, этот талантливый метафизик мог бы прибавить, что для слепорожденных нет ничего нелепого в допущении противоречия между обоими этими чувствами, тем более что они думают, как я уже заметил выше, будто зеркало ставит их действительно в такое противоречие. Г-н де-Кондильяк замечает далее, что г. Молине усложнил вопрос различными условиями, которые не могут ни предотвратить, ни устранить затруднений, возникающих у философствующего слепорожденного. Это замечание тем более верно, что предполагаемое у слепорожденного философское размышление вполне уместно, ибо для этих вопросов философского порядка опыты следовало бы производить всегда над философом, т. е. над человеком, способным находить в задаваемых ему вопросах все то, что позволяет в них заметить логику и состояние его органов.

Недостающий оттенок голубого цвета

Д. Юм «Исследование о человеческом разумении» (1748)

Цит. по: Юм Д. Исследование о человеческом разумении // Примеч. А.Ф.Грязнова. - М. : РИПОЛ классик, 2020. С. 70-71

Я думаю, всякий охотно согласится с тем, что разнообразные идеи цвета или звука, проникающие через глаз и ухо, действительно различны, хотя в то же время и похожи друг на друга. Между тем если это верно относительно различных цветов, то это должно быть верно и относительно различных оттенков одного и того же цвета; каждый оттенок порождает отдельную идею, независимую от остальных. Если отрицать это, то путем постепенной градации оттенков можно незаметно превратить один цвет в другой, самый отдаленный от него, и, если вы не согласитесь с тем, что промежуточные цвета различны, вы не сможете, не противореча себе, отрицать то, что противоположные цвета тождественны. Предположим теперь, что какой-нибудь человек пользовался своим зрением в течение тридцати лет и превосходно ознакомился со всевозможными цветами, за исключением, например, какого-нибудь одного оттенка голубого цвета, который ему никогда не приходилось видеть. Пусть ему будут показаны все различные оттенки этого цвета, за исключением одного, упомянутого выше, причем будет

соблюден постепенный переход от самого темного к самому светлому; очевидно, что он заметит пропуск там, где недостает оттенка, и почувствует, что в данном месте разница между смежными цветами больше, чем в остальных. И вот я спрашиваю: может ли человек собственным воображением заполнить такой пробел и составить себе представление об этом особенном оттенке, хотя бы таковой никогда не воспринимался его чувствами? Я думаю, большинство будет того мнения, что человек в состоянии это сделать, а это может служить доказательством тому, что простые идеи не всегда, не каждый раз вызываются соответствующими впечатлениями; впрочем, данный пример столь исключителен, что едва ли должен быть принят нами во внимание и не заслуживает того, чтобы мы из-за него одного изменили свой общий принцип.

Комната Мэри

Ф. Джексон «Эпифеноменальные квалиа» / «Epiphenomenal Qualia»
(1982)

Цит. по: Иванов Д. Чего же все-таки не знает Мэри? О чем говорит аргумент знания // Философско-литературный журнал «Логос». – 2009. – № 2 (70). С. 122-135

Мэри — талантливый ученый, которая, неважно по каким причинам, вынуждена исследовать мир, находясь в черно-белой комнате, посредством черно-белого телевизора. Она специализируется в нейрофизиологии зрения и обладает, допустим, всей физической информацией, которую необходимо собрать о том, что происходит, когда мы видим красный помидор или небо и используем термины «красный», «голубой» и т. д. Например, она обнаруживает, какой длины волны, исходящие от неба, стимулируют сетчатку и каким образом это посредством центральной нервной системы заставляет сокращаться голосовые связки и выпускать воздух из легких, что приводит к появлению высказывания «Небо голубое»... Что произойдет, когда Мэри будет выпущена из черно-белой комнаты или когда ей дадут цветной телевизор? Узнает ли она что-нибудь или нет? Кажется очевидным, что она узнает нечто о мире и о том, как мы воспринимаем его. Но в таком случае необходимо признать, что ее предыдущее знание было неполным. Но она обладала всей возможной физической информацией. Ergo существует еще что-то, что мы должны знать, и физикализм ложен.

Робомэри. Решение Деннета

Д. Деннет «Сладкие грёзы. Чем философия мешает науке о сознании»
(2005)

*Пер. с: Sweet Dreams. Philosophical Obstacles to a Science of Consciousness.
The MIT Press, 2005. P. 122-126*

РобоМэри – стандартный робот Mark 19, за исключением того, что она была выведена в сеть без цветового зрения; ее видеокамеры черно-белые, но все остальное в ее оборудовании оборудовано для цветного зрения, которое является стандартным для Mark 19.

Таким образом, как и в случае Мэри, для РобоМэри является «нормальным» цветовое зрение, но она временно лишена возможности получать соответствующие входные данные, – с «рождения». Черно-белые камеры РобоМэри прекрасно отражают изоляцию человеческой Мэри, и мы можем позволить ей бродить по психофизическим и нейробиологическим журналам, читая ее глазами с черно-белой камерой.

В ожидании пары цветных фотоаппаратов, которые заменят ей черно-белые фотоаппараты, РобоМэри узнает все, что может, о цветовом зрении Mark 19. <...> Она узнает все о системе цветового кодирования в миллион оттенков, которая используется во всех Mark 19. <...> Используя свои обширные знания, она пишет некоторый код, который позволяет ей раскрашивать входные данные с ее черно-белых камер в соответствии с объемными данными, которые она собирает о цветах вещей в мире, и как обычно их кодирует Mark 19. Так что теперь, когда она смотрит с помощью своей черно-белой камеры на спелый банан, она «видит его как желтый», поскольку ее раскрашивающий протез быстро нашел стандартный цветовой профиль спелого банана и в цифровом виде вставил его во все кадры правильные пиксели <...>

Она задается вопросом, насколько верна та эрзац-раскраска, которую она себе установила. Поэтому на этапе исследований и разработок она проверяет числа в своих регистрах (регистры, которые временно хранят информацию о цветах предметов перед ее камерами) с числами в тех же регистрах других Mark 19, смотрящих на те же самые объекты с их «цветными глазами» камеры и при необходимости вносят коррективы, постепенно создавая хорошую версию обычного цветового зрения Mark 19. <...> Наступает великий день. Когда ей, наконец, установлены цветные камеры. Она отключает программное обеспечение для раскрашивания и открывает глаза, она замечает. . . ничего.

Фактически, она должна проверить, установлены ли у нее цветные камеры.
Она ничего не узнала. Она уже точно знала, каково ей видеть цвета.

Эксперименты с самосознанием и субъективным опытом

См. также: Комната Мэри

«Жуки в коробке»

Л. Виттгенштейн «Философские исследования» (1953)

Цит. по: Виттгенштейн, Л. Философские исследования / Людвиг Виттгенштейн ; [пер. с нем. Л. Добросельского]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — С. 156-157

293. Если я говорю о себе, что только по собственному опыту знаю, что означает слово «боль», — разве не должен я сказать то же самое о других людях? И как могу я обобщить единичный случай столь безответственно? Теперь всякий говорит мне, что знает боль только по собственному опыту! — Предположим, у всех есть коробки с чем-то внутри; это что-то мы назовем «жуком». Никто не может заглянуть в чужую коробку, и все говорят, будто знают, что такое жук, разглядывая каждый своего жука. — Здесь вполне возможно для каждого иметь в коробке что-то свое. Можно даже вообразить, что содержимое постоянно меняется. — Но предположим, что слово «жук» употреблялось в языке этих людей. — Раз так, его не употребили бы для именованья содержимого коробок. То, что в коробке, не имеет места в данной языковой игре; даже как «что-то»; ведь коробка может оказаться пустой. — Нет, посредством того, что в коробке, можно отличать одного человека от другого; чем бы это ни было, оно в итоге словно выпадает. Иначе говоря: если грамматику выражения ощущения приводить к образцу «объекта и обозначения», объект выпадает из рассмотрения как не относящийся к делу.

294. Если ты говоришь, что он видит перед собой индивидуальную картину, которую и описывает, значит, ты по-прежнему предполагаешь, что именно ему видится. И значит, ты можешь описать это или описываешь более подробно. Если же ты признаешь, что понятия не имеешь, что ему видится — тогда что заставляет тебя, вопреки всему, утверждать, будто ему что-то видится? Как если бы я сказал о ком-то: «У него кое-что есть. Но я не знаю, деньги ли это, долги или пустая касса».

295. «Я знаю это только по собственному опыту» — что это вообще за суждение? Эмпирическое? Нет.

Каково быть летучей мышью?

Т. Нагель «Что значит быть летучей мышью?» (1974)

Цит. по: Нагель Т. Каково быть летучей мышью? // Хофштадтер Д.Р., Под ред. Деннета Д.К., Глаз разума / перевод с англ. М.А. Эскиной. Самара: Бахрах-М, 2003. С. 349-360

Предполагаю, что все согласны с тем, что у летучих мышей имеется некий опыт. Они тоже млекопитающие, и в том, что они имеют опыт, не больше сомнения, чем в том, что мыши, голуби или киты имеют опыт. Я выбрал летучую мышь, а не осу или камбалу, просто потому, что, когда мы слишком низко спускаемся по филогенетическому дереву, многие начинают сомневаться в том, что на этом уровне вообще возможен какой-либо опыт. Хотя летучие мыши находятся с нами в более тесном родстве, чем насекомые и рыбы, их деятельность и их сенсорный аппарат настолько отличны от наших, что проблема, которую я хочу рассмотреть, предстает здесь очень выпукло (хотя ее возможно было бы рассмотреть и на примере других классов животных). Оставив в стороне философские размышления — любой, кто бывал в закрытом пространстве вместе с испуганной летучей мышью, знает, каково встретиться с фундаментально иной формой жизни.

Я сказал ранее, что вопрос об опыте летучих мышей эквивалентен тому, похоже ли на что-нибудь быть летучей мышью. Нам известно, что большинство летучих мышей (точнее, *microchiroptera*) воспринимают внешний мир в основном с помощью сонара, или эхолокации, обнаруживая отражения своих быстрых, тонко модулированных, высокочастотных криков от объектов, находящихся в пределах досягаемости. Их мозг способен соотносить исходящие сигналы с последующим эхом; информация, полученная таким образом, позволяет летучей мыши точно различать расстояния, размеры, форму, движение и текстуру так же, как мы различаем все это при помощи зрения. Однако, хотя сонар летучей мыши безусловно является органом чувств, он совершенно не похож ни на какой из наших органов чувств, и у нас нет никаких оснований предполагать, что он субъективно напоминает нечто, что мы способны вообразить или испытать. Это весьма затрудняет для нас понимание того, на что похоже быть летучей мышью. Мы должны попытаться найти некий метод, который поможет нам делать выводы о внутренней жизни летучих мышей, исходя из нашего

собственного опыта, или, по крайней мере, некий метод, который позволит нам приблизиться к этому пониманию.

Наш опыт предоставляет основной материал нашему воображению, которое, таким образом, ограничено. Нам недостаточно представить, что на руках у нас перепончатые крылья, позволяющие нам порхать на рассвете и на закате, ловя ртом насекомых; что мы очень плохо видим и воспринимаем окружающее при помощи системы отраженных высокочастотных сигналов; что днем мы спим на чердаке, повиснув головой вниз. Все, что я могу себе вообразить (и это совсем немного), говорит мне лишь о том, как бы почувствовал себя я, если бы вздумал вести себя, как летучая мышь. Но я ставил вопрос не так! Я хочу знать, как чувствует себя изнутри сама летучая мышь. Но когда я пытаюсь это вообразить, я бываю ограничен ресурсами моего мозга, а эти ресурсы неадекватны для данной задачи. Я не могу выполнить ер, ни прибавляя нечто к моему опыту, ни убавляя чего-либо, ни путем сложных комбинаций прибавлений, убавлений и модификаций.

Если бы мне хотя бы частично удалось выглядеть и вести себя, как оса или летучая мышь, не меняя при этом моей фундаментальной структуры, мой опыт был бы совершенно не похож на опыт этих существ. С другой стороны, вряд ли можно ожидать от меня нейрофизиологии летучей мыши. Даже если бы меня каким-то образом удалось постепенно превратить в летучую мышь, ничто в моем теперешнем состоянии не позволяет мне предвидеть, на что будут похожи переживания меня превращенного. Лучше всего об этом могли бы сказать сами летучие мыши — если бы мы только знали, что они ощущают.

Таким образом, если мы пользуемся экстраполяцией, чтобы понять, на что похоже быть летучей мышью, эта экстраполяция должна быть не выполнима до конца. Мы можем составить себе только схематическое представление о переживаниях летучей мыши. Например, мы можем приписать ей общий тип опыта, исходя из ее физиологии и поведения. Таким образом мы описываем сонар летучей мыши как форму трехмерного восприятия; мы полагаем, что это животное может ощущать какие-то версии боли, голода, страха и желания и что у них есть и другие, более привычные нам органы чувств, кроме сонара. Однако мы знаем, что все эти переживания имеют некий субъективный характер, которого нам постичь не дано.

Философский зомби

Д. Чалмерс «Сознающий ум» (1996)

Цит. по: Чалмерс Д. Сознающий ум: В поисках фундаментальной теории. Пер. с англ. М : УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 127-158

Наиболее очевидный (хотя и не единственный) способ исследования логической супервентности сознания — рассмотрение логической возможности зомби: кого-то или чего-то, физически идентичного мне (или любому другому сознательному существу), но абсолютно лишённого сознательного опыта. На глобальном уровне мы можем рассматривать логическую возможность зомбийного мира — мира, физически идентичного нашему, но при полном отсутствии сознательного опыта. В таком мире все будут зомби. Посмотрим теперь на моего зомбийного двойника. Эта тварь является моей молекулярной копией и идентична мне во всех своих низкоуровневых свойствах, постулированных совершенной физикой, но она полностью лишена сознательного опыта. (Кому-то могло бы показаться более уместным говорить о зомби «оно», но я использую личностное местоимение — я успел привязаться к своему зомбийному двойнику.) Для определенности мы можем вообразить, что в данный момент я выглядываю из окна, ощущаю приятную зелень деревьев на улице, получаю удовольствие от шоколадки, которую жую, и чувствую ноющую боль в своем правом плече. А что происходит в моем зомбийном двойнике? Он физически идентичен мне, и мы вполне можем допустить, что он находится в идентичном окружении. Он будет наверняка идентичен мне функционально: он будет обрабатывать аналогичную информацию, аналогичным образом реагировать на стимулы с соответствующими изменениями его внутренних конфигураций и неотличимым от моего итоговым поведением. Он будет идентичен мне и психологически — в смысле, указанном в главе 1. Он будет воспринимать деревья за окном, в функциональном смысле, и чувствовать вкус шоколада, в психологическом смысле. Всё это логически следует из того факта, что он физически идентичен мне, в силу функциональной анализируемо психологических понятий. Он будет даже обладать «сознанием» в очерченных ранее функциональных смыслах — он будет бодрствовать, сможет отчитаться о содержании своих внутренних состояний, сфокусировать внимание на разных местах и т. п. Но ни один из этих процессов не будет сопровождаться реальным сознательным опытом. Там не будет феноменального чувства. Нельзя ощутить, каково это — быть зомби.

Голливудским зомби явно недостает психологического сознания: у них, как правило, недостаточно развита способность к интроспекции и отсутствует выраженный произвольный контроль за собственным поведением. Что же касается феноменального сознания, то оно может отсутствовать у них, хотя может и присутствовать <...> Мы можем назвать их психологическими зомби, но меня интересуют феноменальные зомби, физически и функционально идентичные, но лишённые опыта.

<...> У кого-то могло бы возникнуть искушение сказать: «Но зомби не могли бы делать все то, что могу делать я». Однако мой зомбийный двойник по определению физически идентичен мне на протяжении всего своего существования, так что он уж точно ведет себя так же, как я. Тот, кто хочет усомниться в способностях зомби, должен поэтому найти ошибку в аргументах в начале этой главы, а не выдвигать возражение на данном этапе.

Эксперименты с объективностью восприятия

Пещера Платона

Платон «Государство» (360 г. до н.э.)

Цит. по: Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / Под общ. ред. А. Ф. Loseва и В. Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. С. 349-353

– После этого, – сказал я, – ты можешь уподобить нашу человеческую природу в отношении просвещенности и непросвещенности вот какому состоянию... посмотри-ка: ведь люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них там на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная – глянь-ка – невысокой стеной вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол.

– Это я себе представляю.

– Так представь же себе и то, что за этой стеной другие люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. При этом, как водится, одни из несущих разговаривают, другие молчат.

– Странный ты рисуешь образ и странных узников!

– Подобных нам. Прежде всего разве ты думаешь, что, находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, свое ли или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры?

– Как же им видеть что-то иное, раз всю свою жизнь они вынуждены держать голову неподвижно?

– А предметы, которые проносят там, за стеной; Не то же ли самое происходит и с ними?

– То есть?

– Если бы узники были в состоянии друг с другом беседовать, разве, думаешь ты, не считали бы они, что дают названия именно тому, что видят?

– Непременно так.

– Далее. Если бы в их темнице отдавалось эхом все, что бы ни произнес любой из проходящих мимо, думаешь ты, они приписали бы эти звуки чему-нибудь иному, а не проходящей тени?

– Клянусь Зевсом, я этого не думаю.

– Такие узники целиком и полностью принимали бы за истину тени проносимых мимо предметов.

– Это совершенно неизбежно.

– Понаблюдай же их освобождение от оков неразумия и исцеление от него, иначе говоря, как бы это все у них происходило, если бы с ними естественным путем случилось нечто подобное. Когда с кого-нибудь из них снимут оковы, заставят его вдруг встать, повернуть шею, пройти, взглянуть вверх – в сторону света, ему будет мучительно выполнять все это, он не в силах будет смотреть при ярком сиянии на те вещи, тень от которых он видел раньше. И как ты думаешь, что он скажет, когда ему начнут говорить, что раньше он видел пустяки, а теперь, приблизившись к бытию и обратившись к более подлинному, он мог бы обрести правильный взгляд? Да еще если станут указывать на ту или иную мелькающую перед ним вещь и задавать вопрос, что это такое, и вдобавок заставят его отвечать! Не считаешь ли ты, что это крайне его затруднит и он подумает, будто гораздо больше правды в том, что он видел раньше, чем в том, что ему показывают теперь?

– Конечно, он так подумает.

– А если заставить его смотреть прямо на самый свет, разве не заболят у него глаза, и не вернется он бегом к тому, что он в силах видеть, считая, что это действительно достовернее тех вещей, которые ему показывают?

– Да, это так.

– Если же кто станет насильно тащить его по крутизне вверх, в гору и не отпустит, пока не извлечет его на солнечный свет, разве он не будет страдать и не возмутится таким насилием? А когда бы он вышел на свет, глаза его настолько были бы поражены сиянием, что он не мог бы разглядеть ни одного предмета из тех, о подлинности которых ему теперь говорят.

– Да, так сразу он этого бы не смог.

– Тут нужна привычка, раз ему предстоит увидеть все то, что там, наверху. Начинать надо с самого легкого: сперва смотреть на тени, затем – на отражения в воде людей и различных предметов, а уж потом – на самые вещи; при этом то, что на небе, и самое небо ему легче было бы видеть не днем, а ночью, то есть смотреть на звездный свет и Луну, а не на Солнце и, его свет.

– Несомненно.

– И наконец, думаю я, этот человек был бы в состоянии смотреть уже на самое Солнце, находящееся в его собственной области, и усматривать его свойства,; не ограничиваясь наблюдением его обманчивого отражения в воде или в других, ему чуждых средах.

– Конечно, ему это станет доступно.

– И тогда уж он сделает вывод, что от Солнца зависят и времена года, и течение лет, и что оно ведает всем в видимом пространстве и оно же каким-то образом есть причина всего того, что этот человек и другие узники видели раньше в пещере.

– Ясно, что он придет к такому выводу после тех наблюдений.

– Так как же? Вспомнив свое прежнее жилище, тамошнюю премудрость и сотоварищей по заключению, разве не сочтет он блаженством перемену своего положения и разве не пожалеет своих друзей?

– И даже очень.

– А если они воздавали там какие-нибудь почести и хвалу друг другу, награждая того, кто отличался наиболее острым зрением при наблюдении текущих мимо предметов и лучше других запоминал, что обычно появлялось сперва, что после, а что и одновременно, и на этом основании предсказывал грядущее, то, как ты думаешь, жаждал бы всего этого тот, кто уже освободился от уз, и разве завидовал бы он тем, кого почитают узники и кто среди них влиятелен? Или он испы тывал бы то, о чем говорит Гомер, то есть сильнейшим образом желал бы

«Как поденщик, работая в поле,

Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный»

и скорее терпеть что угодно, только бы не разделять представлений узников и не жить так, как они?

– Я-то думаю, он предпочтет вытерпеть все что угодно, чем жить так.

– Обдумай еще и вот что: если бы такой человек опять спустился туда и сел бы на то же самое место, разве не были бы его глаза охвачены мраком при таком внезапном уходе от света Солнца?

– Конечно.

– А если бы ему снова пришлось состязаться с этими вечными узниками, разбирая значение тех теней? Пока его зрение не притупится и глаза не привыкнут – а на это потребовалось бы немалое время, – разве не казался бы он смешон? О нем стали бы говорить, что из своего восхождения он вернулся с испорченным зрением, а значит, не стоит даже и пытаться идти ввысь. А кто принялся бы освобождать узников, чтобы повести их ввысь, того разве они не убили бы, попадись он им в руки?

– Непременно убили бы.

– Так вот, дорогой мой Главкон, это уподобление следует применить ко всему, что было сказано ранее: область, охватываемая зрением, подобна тюремному жилищу, а свет от огня уподобляется в ней мощи Солнца. Восхождение и созерцание вещей, находящихся в вышине, – это подъем души в область умопостигаемого. Если ты все это допустишь, то постигнешь мою заветную мысль – коль скоро ты стремишься ее узнать, – а уж богу ведомо, верна ли она. Итак, вот что мне видится: в том, что познаваемо, идея блага – это предел, и она с трудом различима, но стоит только ее там различить, как отсюда напрашивается вывод, что именно она – причина всего правильного и прекрасного. В области видимого она порождает свет и его владыку, а в области умопостигаемого она сама – владычица, от которой зависят истина и разумение, и на нее должен взирать тот, кто хочет сознательно действовать как в частной, так и в общественной жизни.

Демон Декарта

Р. Декарт «Размышления о первой философии, в коих доказывается существование бога и различие между человеческой душой и телом» (1641)

Цит. по: Декарт Р. Сочинения в 2-х томах. Т.2. М.: Мысль, 1994. С. 20-22.

Итак, я сделаю допущение, что не всеблагой Бог, источник истины, но какой-то злокозненный гений, очень могущественный и склонный к обману,

приложил всю свою изобретательность к тому, чтобы ввести меня в заблуждение: я буду мнить небо, воздух, землю, цвета, очертания, звуки и все вообще внешние вещи всего лишь пригрезившимися мне ловушками, расставленными моей доверчивости усилиями этого гения; я буду рассматривать себя как существо, лишенное рук, глаз, плоти и крови, каких-либо чувств: обладание всем этим, стану я полагать, было лишь моим ложным мнением; я прочно укореню в себе это предположение, и тем самым, даже если и не в моей власти окажется познать что-то истинное, по крайней мере, от меня будет зависеть отказ от признания лжи, и я, укрепив свой разум, уберегу себя от обманов этого гения, каким бы он ни был могущественным и искусным. Однако решение это исполнено трудностей, и склонность к праздности призывает меня обратно к привычному образу жизни. Я похож на пленника, наслаждавшегося во сне воображаемой свободой, но потом спохватившегося, что он спит: он боится проснуться и во сне размягченно потакает приятным иллюзиям; так и я невольно соскальзываю к старым своим представлениям и страшусь пробудиться — из опасения, что тяжкое бодрствование, которое последует за мягким покоем, может не только не привести меня в будущем к какому-то свету, но и ввергнуть меня в непроглядную тьму нагроможденных ранее трудностей.

<...>

Итак, я допускаю, что все видимое мною ложно; я предполагаю никогда не существовавшим все, что являет мне обманчивая память; я полностью лишен чувств; мои тело, очертания (*figura*), протяженность, движения и место — химеры. Но что же тогда остается истинным? Быть может, одно лишь то, что не существует ничего достоверного. Однако откуда мне известно, будто, помимо перечисленных, не существует других вещей, относительно которых не может быть ни малейшего сомнения? Ведь, возможно, есть некий Бог — или как бы мы это ни именовали? — внушивший мне эти самые мысли? И прав ли я в данном случае — ведь я и сам могу быть их виновником? Так не являюсь ли, по крайней мере, и я чем-то сущим? Но ведь только что я отверг в себе всякие чувства и всякое тело. Тем не менее я колеблюсь; что же из этого следует? Так ли я тесно сопряжен с телом и чувствами, что без них немислимо мое бытие? Но ведь я убедил себя в том, что на свете ничего нет — ни неба, ни земли, ни мыслей, ни тел; итак, меня самого также не существует? Однако, коль скоро я себя в чем-то убедил, значит, я все же существовал? Но существует также некий неведомый мне обманщик, чрезвычайно могущественный и хитрый, который всегда намеренно вводит меня в заблуждение. А раз он меня обманывает, значит, я существую; ну и пусть

обманывает меня, сколько сумеет, он все равно никогда не отнимет у меня бытие, пока я буду считать, что я — нечто. Таким образом, после более чем тщательного взвешивания всех «за» и «против» я должен в конце концов вывинуть следующую посылку: всякий раз, как я произношу слова Я есмь, я существую или воспринимаю это изречение умом, оно по необходимости будет истинным. Но пока я еще недостаточно хорошо понимаю что я есмь — я, в силу необходимости существующий; далее, я должен остерегаться неразумно принять за существующее вместо себя нечто иное и таким образом отклониться даже от представления, утверждаемого мной в качестве наидостовернейшего и самого очевидного. Поэтому до того, как предаться таким размышлениям, я заново обдумываю, почему я когда-то считал, что я существую; затем я исключу из этого размышления все то, что может быть хоть слегка поколеблено новыми доводами, дабы осталось лишь то, что явит себя достоверным и неопровержимым.

«Доктор О»

Дж. Корнман, К. Лерер «Philosophical Problems and Arguments An Introduction» / «Философские проблемы и аргументы. Введение» (1968)

Пер. с: Cornman J. W., Lehrer K., Pappas G. S. Philosophical Problems and Arguments: An Introduction. Hackett Publishing, 1992. P. 58-59

Представим ситуацию, в которой мы обмануты злым гением, Доктором О, занятого тем, чтобы снабжать нас галлюцинациями через специальный мозговой колпачок. Действительно ли такая ситуация возможна? Рассмотрим в очень конкретных терминах. Представим, что доктор О пытается всех обмануть и сосредоточимся на опыте одного человека, которого зовут Том.

Доктор О будет снабжать нас опытом, используя колпачок. Поскольку именно мозг производит галлюцинации, мы не должны предполагать, что вокруг в мире вообще есть какие-то обычные вещи. Поэтому предположим, что все эти вещи уничтожены. Теперь мы можем представить, что Том – один в пустом, разрушенном мире. Он, конечно, совершенно не замечает своего реального положения, поскольку доктор О, верный своему плану, обеспечивает Тома галлюцинациями, в точности повторяющими переживания обычного существования. Он обманывает Тома, заставляя его верить, что тот существует, поскольку галлюцинаторные переживания Тома в точности

повторяют переживания, которые он испытал бы, если бы разрушенные вещи всё ещё существовали.

Теперь представьте, что доктор О, обманув Тома, устаёт от своего непризнанного успеха и желает, чтобы Том признал это достижение, но при этом продолжать обманывать. На следующий день, когда Том, например, переживает опыт, как он входит в комнату, где стоят цветы, доктор О тактично подсказывает Тому, что никаких цветов там нет. Но у Тома имеется опыт: подносить цветы к носу, нюхать их, прикасаться к ним. Том успокаивается. Он отрицает существование обмана.

В этот момент драмы доктор О испытывает сильнейшее искушение просто выключить мозговой колпачок и разоблачить мошенничество Тома. Но это значит отказаться от всех своих трудов. Итак, злой гений, уже не чувствующий себя таким изобретательным, оказывается перед дилеммой. Либо он может поддерживать обман, о котором никто не знает, либо он может изменить свой план. В любом случае доктор О не сможет достигнуть своей цели.

Машина по производству личного опыта

Р. Нозик «Анархия, государство и утопия» (1974)

Цит. по: Нозик Р. Анархия, государство и утопия / Роберт Нозик ; пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. — М.: ИРИСЭН, 2008. С. 68

Затруднения возникают и тогда, когда мы задаемся вопросом: что имеет значение помимо того, как люди переживают жизненный опыт «изнутри». Предположим, что существовала бы машина по производству личного опыта, которая могла бы обеспечить вам любой опыт по вашему желанию. Крутые нейрopsихологи могли бы простимулировать ваш мозг так, чтобы вы почувствовали, будто сочиняете великий роман, знакомитесь с кем-нибудь или читаете интересную книгу. И все это время вы бы плавали в резервуаре с подключенными к мозгу электродами. Вы согласитесь подключиться к такой машине на всю жизнь, предварительно запрограммировав все события, которые должны с вами произойти? Если вы опасаетесь, что можете пропустить какой-нибудь замечательный опыт, можно предположить, что специализированные компании тщательно изучили жизнь многих других

людей, так что вы можете ознакомиться с собранной ими большой библиотекой, так сказать, шведским столом личного опыта и выбрать себе жизненные переживания, скажем, на следующие два года. Через два года вы на десять минут или на десять часов отключитесь от машины, чтобы выбрать впечатления на следующие два года. Разумеется, пока вы подключены, вы не будете знать, что вы находитесь в резервуаре; вы будете думать, что все происходит на самом деле. Другие также могут подключиться, чтобы переживать то, что им нравится, так что не будет необходимости оставаться неподключенным, чтобы их обслуживать. (Оставим в стороне вопрос о том, кто будет обслуживать машины, если все к ним подключатся.) Подключитесь ли вы? Что еще имеет для нас значение, кроме того, как мы ощущаем нашу жизнь «изнутри»? Вы не должны отказываться из-за нескольких мгновений неприятных ощущений: между тем моментом, когда вы решились, и моментом, когда уже подключились. Что такое краткий миг страданий по сравнению с блаженством всей жизни (если вы выбрали именно это) и откуда вообще возьмутся страдания, если вы приняли наилучшее решение?

Что имеет для нас значение помимо переживаемого опыта? Прежде всего мы хотим делать определенные вещи, а не просто получить субъективное переживание того, что мы их делаем. Применительно к определенным видам опыта мы хотим в первую очередь совершить какие-то действия и только поэтому желаем испытать переживание процесса их совершения или чувство, что мы их совершили. (Но почему мы хотим совершать действия, а не просто испытывать переживания их совершения?) Второе основание для того, чтобы не подключаться, заключается в том, что мы хотим иметь объективное существование определенным образом, быть личностью определенного вида. Существо, болтающееся в резервуаре, — это какой-то непонятный пузырь. Невозможно ответить на вопрос, каков тот человек, который долго проплавал в резервуаре. Он отважен, добр, умен, остроумен, заботлив? Дело не только в том, что это трудно сказать; дело в том, что он никоим образом не является таким. Подключиться к машине — это своего рода самоубийство. Некоторым, плененным этой картиной, может показаться, что для нас не может иметь значения ничто, относящееся к тому, каковы мы есть, а имеет значение лишь только то, как это отражается в нашем чувственном опыте. Но разве удивительно, что для нас имеет значение то, каковы мы на самом деле? Почему нас должно волновать только то, как заполнено наше время, а не то, какие мы? В-третьих, подключение к машине по производству личного опыта ограничивает нас реальностью, созданной человеком, т.е. миром, который не глубже и не важнее того, который способны сконструировать люди. При этом

невозможен настоящий контакт с более глубокой реальностью, хотя возможна симуляция соответствующих переживаний. Многие люди желают быть открытыми к такому контакту и к постижению более глубоких смыслов*. Это объясняет накал дискуссии вокруг психотропных веществ, которые одни люди считают просто локальными машинами по производству личного опыта, а другие — окном в более глубокую реальность; то, в чем некоторые видят эквивалент подчинения машине по производству личного опыта, другие рассматривают как следование одному из оснований не подчиняться! Представив себе машину по производству личного опыта, а потом осознав, что не стали бы ее использовать, мы поняли, что для нас имеет значение что-то еще, помимо переживаний. Можно продолжить придумывать ряд таких машин, чтобы в каждой последующей устранять недостатки, обнаруженные в предыдущей. Например, поскольку машина переживаний не удовлетворяет наше желание объективно существовать определенным образом, вообразите трансформирующую машину, которая преобразует нас в такой тип человека, каким мы хотим быть (сохраняя способность оставаться самими собой). Разумеется, никто не станет использовать трансформирующую машину, чтобы стать таким, как ему хочется, и вслед за этим подключиться к машине по производству личного опыта! Таким образом, есть что-то важное и помимо того, что мы переживаем, и того, каковы мы есть. И дело не только в том, что наши переживания и опыт не связаны с тем, какие мы. Ведь машину по производству личного опыта можно было бы настроить так, чтобы она предоставляла человеку только переживания, доступные для личности его типа. А может быть, дело в том, что мы хотим оставить след в этом мире? Тогда представьте себе машину результатов, которая создает в мире любой результат из тех, которых вы могли бы достичь, и в любое выбранное вами совместное дело встраивает ваш вклад. Не будем здесь разбираться в замечательных особенностях этих и подобных им машин. Больше всего в них смущает то, что они живут нашей жизнью вместо нас. Не является ли заблуждением поиск отдельных дополнительных функций, которые превышают возможности любой такой машины? Возможно, то, чего мы желаем, — это жить (активный глагол) самим в контакте с реальностью. (А никакие машины не могут сделать этого за нас.) Не будем останавливаться на следствиях из этого факта, которые, по моему мнению, парадоксальным образом связаны с вопросами о свободе воли и о причинно-следственном представлении знаний; ограничимся тем, что отметим запутанность вопроса о том, что еще важно для людей помимо их переживаемого опыта.

«Мозг в колбе»

Х. Патнем «Разум, истина и история» (1981)

Цит. по: Патнем Х. Разум, истина и история / Пер. с англ. Т.А. Дмитриева, М.В. Лебедева. М.: Практика, 2002. С. 19-30

Одна из научно-фантастических возможностей, обсуждаемых философами, такова. Представим себе, что человеческое существо (допустим, вы сами) подверглось операции, сделанной злодеем-ученым. Ваш мозг был отделен от тела и помещен в бочку с питательным раствором, поддерживающим этот мозг живым. Нервные окончания были присоединены к некоему супернаучному компьютеру, поддерживающему у той личности, которой принадлежит этот мозг, полную иллюзию, что все в порядке. Как будто вокруг люди, предметы, небо и т. д.; но в действительности все, что ощущает наш герой, то есть вы, является результатом электронных импульсов, передающихся от компьютера к нервным окончаниям. Компьютер такой умный, что если наш герой пытается поднять руку, то реакция компьютера послужит причиной того, что он «увидит» и «почувствует», как рука поднимается. Более того, меняя программу, злодей-ученый может заставить жертву «почувствовать» (или прогаллюцинировать) любую ситуацию или окружение, какие хочет. Он может также стереть память об операции на мозге, в результате чего жертва будет считать, что всегда была в таком окружении. Жертве даже может казаться, что она сейчас сидит и читает вот эти слова о забавном, но совершенно абсурдном предположении, что есть такой злодей-ученый, который удаляет людям мозги и помещает их в бочки с питательным раствором, поддерживающим эти мозги живыми. При этом нервные окончания присоединены к некоему супернаучному компьютеру, поддерживающему у той личности, которой принадлежит этот мозг, полную иллюзию, что...

Когда такая возможность упоминается на лекциях по теории познания, то цель, конечно, состоит в том, чтобы современными средствами поставить классическую проблему скептицизма по отношению к внешнему миру. (Откуда вы знаете, что вы сами не находитесь в этом затруднении?) Но это затруднение также полезно в качестве инструмента для постановки вопросов, касающихся отношения между сознанием и миром.

Вместо одного-единственного мозга в бочке теперь представим себе, что все человеческие существа (возможно, все существа, наделенные ощущениями) представляют собой мозги в бочке (или нервные системы в

бочке для тех существ с минимальными нервными системами, которые уже считаются «чувствующими»). Конечно же, злодей-ученый должен находиться снаружи. Или не должен? А может быть, нет никакого злодея-ученого, а просто вселенная (хотя это и абсурдно) состоит из автоматических механизмов, обслуживающих бочку с мозгами и нервными системами?

На этот раз предположим, что автоматические механизмы запрограммированы так, чтобы дать нам массовую галлюцинацию, а не множество отдельных, не связанных галлюцинаций. Таким образом, когда мне кажется, что я разговариваю с вами, вам кажется, что вы слышите мои слова. Конечно, это не значит, что мои слова действительно достигают ваших ушей — поскольку у вас (в действительности) нет ушей, а у меня рта и языка. Скорее, когда я порождаю слова, происходит следующее: центробежные импульсы проходят от моего мозга к компьютеру, что заставляет меня «слышать» мой собственный голос, произносящий эти слова, «чувствовать», как мой язык двигается, и т. д., а вас заставляет «слышать» мои слова, «видеть», как я говорю и т. д. В этом случае мы, в некотором смысле, действительно общаемся. Я не заблуждаюсь относительно вашего действительного существования (только относительно существования вашего тела и «внешнего мира», отдельно от мозгов). С определенной точки зрения, даже неважно, что «целый мир» — это лишь коллективная галлюцинация; поскольку вы, в конце концов, действительно слышите мои слова, когда я говорю с вами, даже если механизм этого процесса не таков, как мы предполагаем. (Конечно, если бы мы были влюбленными, занимающимися любовью, а не просто двумя собеседниками, то предположение о том, что мы всего лишь два мозга в бочке, разочаровало бы нас).

Теперь я хочу задать вопрос, который покажется очень глупым и очевидным (по крайней мере некоторым людям, включая некоторых весьма изощренных философов), но который довольно быстро заведет нас в настоящие философские бездны. Предположим, что вся эта история — действительно правда. Могли бы мы, если бы мы были такими мозгами в бочке, *сказать* или *подумать*, что мы таковы?

<...>

Мы принимаем, что когда мозг в бочке (в мире, где каждое наделенное ощущениями существо является и всегда было мозгом в бочке) думает: «Вот передо мной дерево», то его мысль не указывает на настоящие деревья. Согласно некоторым теориям, которые мы будем обсуждать, она может указывать на образы деревьев или на электронные импульсы, которые

вызывают представления о деревьях. или на детали программы, управляющие этими импульсами. Тем, что было сказано выше, эти теории не исключаются, поскольку существует тесная каузальная связь между употреблением слова «дерево» в бочковом английском и наличием образов деревьев, наличием электронных импульсов и наличием определенных деталей машинной программы. Согласно этим теориям, мозг прав, а не ошибается, когда думает: «Вот передо мной дерево». Принимая во внимание то, на что в бочковом английском указывает слово «дерево», и то, на что указывает слово «перед»; принимая, далее, что одна из этих теорий правильна, мы получим, что условия истинности предложения «Вот передо мной дерево» в бочковом английском языке состоят в том, что образ дерева состоит с обсуждаемым «я» (принадлежащим той же образной системе) в отношении «быть перед». Или же, возможно, эти условия истинности состоят в том, что электронные импульсы того вида, который обычно производит такой опыт, исходят из автоматических механизмов; или же — в том, что задействованы те особенности или детали этих механизмов, которые, как предполагается, производят знание «Вот передо мной дерево». И эти условия истинности явно выполняются.

В силу того же аргумента «бочка» в бочковом английском указывает на образ бочки или что-либо связанное с ним (электронные импульсы или детали программы), но явно не на реальную бочку, поскольку употребление слова «бочка» в бочковом английском каузально не связано с реальными бочками (за исключением связи, состоящей в том, что мозги в бочке не могли бы употреблять слово «бочка», если бы не наличие конкретной бочки — той, в которой они сидят; но эта связь возникает и между употреблением каждого слова в бочковом английском и этой конкретной бочкой; это не особенная связь между употреблением конкретного слова, «бочка» и бочками). Точно так же «питательный раствор» указывает в бочковом английском на образ жидкости или что-либо связанное с ним (электронные импульсы или детали программы). Следовательно, если их «возможный мир» в действительности является реальным миром, а мы в действительности представляем собой мозги в бочке, тогда то, что мы теперь подразумеваем под выражением «Мы — мозги в бочке» — это что мы образно представляем собой мозги в бочке или что-то в этом роде (если мы вообще подразумеваем этим что бы то ни было). Но в гипотезу о том, что мы являемся мозгами в бочке, входит представление о том, что мы не являемся образом мозгов в бочке (т. е. то, что мы «галлюцинируем» — это не что мы мозги в бочке). Итак, если мы — мозги в бочке, то предложение «Мы — мозги в бочке» сообщает нечто ложное (если оно вообще

сообщает что бы то ни было). Короче говоря, если мы — мозги в бочке, то «Мы — мозги в бочке» ложно. Следовательно, это (с необходимостью) ложно.

Предположение о том, что такая возможность имеет смысл, возникает из сочетания двух ошибок: (1) слишком серьезного отношения к физической возможности и (2) бессознательного обращения к магической теории референции — теории, согласно которой определенные ментальные репрезентации с необходимостью указывают на определенные внешние предметы и виды предметов.

Имеется «физически возможный мир», в котором мы являемся мозгами в бочке — что это значит, кроме того, что имеется описание такого положения дел, которое совместимо с законами физики? Поскольку в нашей культуре (начиная еще с XVII столетия) существует тенденция воспринимать физику как метафизику, т. е. рассматривать точные науки как долгожданное описание «полного и окончательного содержания вселенной», постольку существует, как ее непосредственное следствие, тенденция принимать «физическую возможность» за истинный критерий того, что может иметь место в действительности. С такой точки зрения, истина есть физическая истина; возможность — физическая возможность, а необходимость — физическая необходимость. Но мы только что видели, даже если пока лишь на весьма искусственном примере, что такие взгляды ошибочны. Существование «физически возможного мира», в котором мы являемся мозгами в бочке (всегда были ими и всегда будем) не означает, что мы можем в действительности, по-настоящему, с определенной вероятностью быть мозгами в бочке.

Литература:

1. Аналитическая философия: Становление и развитие (антология) / Общ. ред., сост. и вступ. ст. А. Ф. Грязнова. — М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. — 528 с.
2. Декарт Р. Сочинения в 2-х томах. Т.2. М.: Мысль, 1994. 640 с.
3. Дидро, Д. Избранные философские произведения. Предисл. Я. Мильнер. Москва: Госполитиздат, 1941. 280 с.
4. Иванов Д. Чего же все-таки не знает Мэри? О чем говорит аргумент знания //Философско-литературный журнал «Логос». – 2009. – №. 2 (70). С. 122-135
5. Кондильяк. Сочинения: В 2-х т. Т. I./ Общ. ред., вступит, статья и примеч. В. М. Богуславского. М.: Мысль, 1980. 334 с.
6. Кондильяк. Сочинения: В 3-х т, Т. 2 / Общ. ред., вступит, статья и примеч. В. М. Богуславского. М.: Мысль, 1982. 541 с.
7. Куйан У.В.О. Слово и объект. Перевод с англ. М.: Логос, Праксис, 2000. 386 с.
8. Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х т. Т. 2 /Ред., авт. вступ. статьи и примеч. И. С. Нарский. М.: Мысль, 1983. 686 с.
9. Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. Т. 1 / Под ред. И. С. Нарского. М.: Мысль, 1985. 623 с.
10. Нозик Р. Анархия, государство и утопия / Роберт Нозик ; пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. — М.: ИРИСЭН, 2008. 424 с.
11. Патнем Х. Разум, истина и история / Пер. с англ. Т.А. Дмитриева, М.В. Лебедева. М.: Праксис, 2002. 296 с.
12. Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. 752 с.
13. Хофштадтер Д., Деннетт Д. Глаз разума. Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2003. 432 с.
14. Чалмерс Д. Сознający ум: В поисках фундаментальной теории. Пер. с англ. М : УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 512 с.
15. Юм Д. Исследование о человеческом разумении // Примеч.А.Ф.Грязнова. - М. : РИПОЛ классик, 2020. 322 с.
16. Bertram G. Philosophische Gedankenexperimente—Ein Lese-und Studienbuch. Reclam, 2012. 309 p.
17. Brook A. Introduction: Philosophy in and philosophy of cognitive science, Part II // Topics in cognitive science. 2009. Vol.1. №. 3. P. 547-547.

18. Cornman J. W., Lehrer K., Pappas G. S. *Philosophical Problems and Arguments: An Introduction*. Hackett Publishing, 1992. 372 p.

19. *Sweet Dreams. Philosophical Obstacles to a Science of Consciousness*. The MIT Press, 2005. 199 p.

Автор:

Анастасия Валерьевна **Голубинская**

МЫСЛЕННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ В ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ

Хрестоматия

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования

«Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского»

603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23